

УДК 347.168

Куртев Вадим Олегович*студент,**Институт государственного права**и национальной безопасности,**Байкальский государственный университет,**г. Иркутск, Российская Федерация,**e-mail: vad.kurtev@yandex.ru***Юсупова Анастасия Владимировна***старший преподаватель,**кафедра предпринимательского и финансового права,**Байкальский государственный университет,**г. Иркутск, Российская Федерация**e-mail: 006950@bgu.ru*

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому анализу правового статуса арбитражного управляющего в процедурах несостоятельности (банкротства). Авторы рассматривают различные теоретические подходы к определению его статуса – представительства, доверительного управления, трудовой, публичной и частной теорий – и приходят к выводу о комплексной, частно-публичной природе правового статуса арбитражного управляющего. Особое внимание уделено соотношению публично-правовых и частноправовых функций арбитражного управляющего, а также оценке правового регулирования его деятельности в контексте множественности правовых отраслей. В завершение предложено авторское определение правового статуса арбитражного управляющего как физического лица, осуществляющего частную практику и реализующего частно-публичные функции в целях достижения публичных и макроэкономических задач института банкротства.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, правовой статус, банкротство, публично-правовые функции, частноправовые функции, несостоятельность.

Vadim O. Kurtev*Student,**Institute of State Law and National Security,**Baikal State University,**Irkutsk, Russian Federation,**e-mail: vad.kurtev@yandex.ru*

Anastasia V. Yusupova

Senior Lecturer,

Department of Business and Financial Law,

Baikal State University,

Irkutsk, Russian Federation,

e-mail: 006950@bgu.ru

TO THE ISSUE OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF ARBITRATION MANAGER

Abstract. The article is devoted to a legal analysis of the legal status of the arbitration manager in insolvency (bankruptcy) proceedings. The authors consider various theoretical approaches to determining its status – representation, trust management, labor, public and private theories – and come to the conclusion about the complex, private-public nature of the legal status of the arbitration manager. Particular attention is paid to the correlation of public and private legal functions of the arbitration manager, as well as the assessment of the legal regulation of his activities in the context of the multiplicity of legal branches. In conclusion, the author's definition of the legal status of the arbitration manager as an individual carrying out private practice and implementing private-public functions in order to achieve the public and macroeconomic tasks of the bankruptcy institution was proposed.

Keywords: arbitration manager, legal status, bankruptcy, public law functions, private law functions, insolvency.

Постановка вопроса об оценке правовой природы статуса арбитражного управляющего предопределяет исследовательскую необходимость установления дефиниции «управление» в целом. Как указывал А. Б. Борисов в «Большом экономическом словаре»: «Управление – это сознательное целенаправленное воздействие со стороны государства, экономических субъектов, на людей и экономические объекты, осуществляемое с целью направить их действия в нужное русло и получить желаемые результаты» [1, с. 895].

Соглашаясь с позицией, что термин «управление» в научной литературе характеризуется многогранностью и многозадачностью [2, с. 34], и анализируя нормы действующего гражданского законодательства, можно выделить следующие формы управления:

1. управление юридическим лицом;
2. право оперативного управления;
3. право хозяйственного ведения;
4. управление имуществом;
5. коллективное управление интеллектуальными правами авторов;
6. управление единой технологией как самостоятельным объектом интеллектуальных прав.

Презюмируя, что несостоятельность (банкротство) является комплексным частно-публичным институтом, вышеуказанный список можно дополнить и ар-

битражным управлением. При этом, следует иметь ввиду позицию Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) по вопросу определения правового статуса самих процедур банкротства, целей процедур банкротства, а также полномочий арбитражного управляющего в указанных процедурах.

Согласно сформулированной почти двадцать лет назад, позиции Конституционного Суда РФ, во-первых, характер процедур банкротства публично-правовой, поскольку воля кредиторов как основных «драйверов» конкурсного процесса формируется по отличным от стандартного искового производства принципам, путем подчинения меньшинства воле большинства, альтернативных вариантов фактически не предусмотрено. Во-вторых, самим институтом несостоятельности (банкротства) заложена публично-правовая цель – обеспечить и гарантировать баланс прав и законных интересов участвующих в деле лиц. В-третьих, достижению указанной цели способствует деятельность арбитражного управляющего, который утверждается арбитражным судом в порядке, установленном статьей 45 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [3] (далее – Закон о банкротстве), и для проведения процедур банкротства наделяется полномочиями, которые в значительной степени носят публично-правовой характер: он обязан принимать меры по защите имущества должника, анализировать финансовое состояние должника и т.д., действуя добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества (пункты 4 и 6 ст. 24 Закона о банкротстве). Наконец, решения арбитражного управляющего являются обязательными и влекут правовые последствия для широкого круга лиц [4].

Учитывая мнение Конституционного Суда РФ, нельзя полагать однозначно, что институт несостоятельности (банкротства) в целом и субинститут арбитражного управления, в частности, в полной мере являются публично-правовыми. Как отмечает Д.И. Мищенко: «Арбитражное управление – это осуществление на возмездной основе специальным субъектом в порядке, установленном действующим законодательством о несостоятельности (банкротстве), ограниченных правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом должника, а также иных юридических и фактических действий в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника» [5, с. 9]. Указанный подход отражает гражданско-правовую специфику арбитражного управления, выраженную в участии субъекта в равноправных гражданско-правовых отношениях, таких как заключение сделок по распоряжению с имуществом должника.

Опираясь на приведенное определение арбитражного управления, уместно разъяснить суть ограниченности правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом должника, осуществляемых арбитражным управляющим. Ограниченность проявляется в отсутствии права лица по своему усмотрению определять дальнейшую судьбу имущества, без учета мнения лиц, участвующих в деле о банкротстве и лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве. Например, при пополнении конкурсной массы, управляющий не вправе произвольно реализовать имущество в установленном им порядке. Кон-

курсный управляющий созывает собрание кредиторов и устанавливает соответствующую повестку дня, на котором уже кредиторы имеют право представить свое видение дальнейшего порядка реализации имущества, поступившего в конкурсную массу, с учетом положений Закона о банкротстве.

При оценке правовой природы статуса арбитражного управляющего можно выделить следующие доктринально сформировавшиеся подходы:

1. Теория представительства. Довольно стандартный вариант оценки сути деятельности управляющего, вытекающий из буквального смысла законодательных норм. Например, Д. М. Климентьев отмечает, что в ходе наблюдения «временный управляющий становится законным представителем компании-должника, надзирающим за деятельностью должника и контролирующим ее» [6, с. 166].

Согласно логике этой теории, арбитражный управляющий представляет интересы либо кредиторов, либо должника (его учредителей), либо всех сразу. Существует также интерпретация, согласно которой арбитражный управляющий представляет исключительно свои собственные интересы, как лицо, напрямую заинтересованное в получении финансовой выгоды по результатам проведения процедуры банкротства [7, с. 23].

В указанном контексте возникает необходимость разобраться, что следует считать представительством. С точки зрения классической цивилистики Е. А. Суханов предлагает понимать под представительством «сделку, совершенную одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона, акта уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создающую, изменяющую или прекращающую гражданские права и обязанности представляемого» [8, с. 542]. Представитель совершает от имени и в интересах представляемого (будь то юридическое лицо либо гражданин) юридически значимые действия (сделки). Таким образом, представительство заключается в изъятии воли представляемого представителем.

Положения указанной теории во всех ее многогранных проявлениях на самом деле отражаются в деятельности арбитражного управляющего. Например, законодатель нормативно закрепляет в п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве следующее: «При проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества». Одновременно при всей привлекательности подобной трактовки исследуемый подход не следует оценивать как единственной верный.

Так, приведенная выше норма в буквальном толковании представляется наиболее общей и не отражает практические аспекты деятельности арбитражного управляющего, поскольку зачастую интересы кредиторов, должника и общества диаметрально противоположны. Кредиторы стремятся удовлетворить собственные требования за счет имущества должника, а должник стремится сохранить имущество, заявляя ходатайства об исключении имущества из конкурсной массы. Прослеживается прямой, нередко острый конфликт интересов, следовательно, управляющий не может действовать в интересах всех одновременно,

а если действует в интересах одного из них – одновременно действует против интересов всех остальных. В данном случае, как следует из вышеуказанного Постановления Конституционного Суда РФ, арбитражный управляющий обязан соблюдать баланс интересов кредиторов и должника, действуя разумно и добросовестно, оценивая доводы сторон и факты объективной действительности, выступая в вышеуказанном примере в качестве независимого арбитра.

Помимо указанного, точка зрения, исходя из которой арбитражный управляющий представляет исключительно свои интересы представляется абсолютно несостоятельной, противоречит действующему законодательству и принципу добросовестности, которым обязан руководствоваться управляющий. В п. 1 ст. 20.6 Закона о банкротстве закрепляется право арбитражного управляющего на вознаграждение в деле о банкротстве, а также на возмещение в полном объеме расходов, фактически понесенных им при исполнении возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Профессиональная деятельность по арбитражному управлению не предполагает возможность лица действовать исключительно в личных, особенно корыстных целях. Вознаграждение в данном случае, как фиксированное, так и стимулирующее, выступает в качестве средства достижения публично-правовых целей института несостоятельности (банкротства), в котором невозможно обойтись без фигуры арбитражного управляющего.

Резюмируя вышеуказанное, арбитражный управляющий не изъявляет волю ни одной из сторон при осуществлении своих полномочий. К примеру, при обращении в суд с заявлением о признании сделки недействительной, управляющий действует от лица должника, но при этом не в его интересах. В другом примере управляющий, осуществляя свои права, предусмотренные Законом о банкротстве, направляет запросы в регистрационные органы и кредитные организации с целью выявления имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, подтверждая свои полномочия соответствующим судебным актом, закрепляющим его полномочия. Ошибочно полагать, что управляющий в данном случае выступает в роли представителя лица, в отношении которого запрашивается информация, поскольку запрос подается от имени самого управляющего и не преследует интересы субъекта, о котором истребуются сведения.

2. Теория доверительного управления. Согласно этой теории между банкротом и управляющим возникают отношения доверительного управления в силу закона [9, с. 19].

Указанная теория не соответствует действительности сразу по нескольким основаниям:

Во-первых, отношения доверительного управления предполагают под собой добровольность, чего нельзя сказать о передаче имущества в введение арбитражного управляющего в процедурах, применяемых при банкротстве. В свою очередь, доверительное управление в силу закона, предусмотренное ст. 1026 Гражданского кодекса Российской Федерации недопустимо, поскольку отношения доверительного управления по своей сути противоречат целям несостоятельности (банкротства) в части удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника [10].

Во-вторых, управление имуществом в отношениях доверительного управления осуществляется в интересах учредителя управления или иного выгодоприобретателя, в данном случае должника, учредителя должника или кредитора. Однако, как ранее было установлено, арбитражный управляющий не вправе представлять интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве.

3. Трудовая теория. Согласно этой теории, в случае возложения обязанностей единоличного исполнительного органа должника на управляющего, он в полном объеме приобретает правосубъектность работодателя [11, с. 23]. Легитимно это становится возможным в процедурах внешнего управления и конкурсного производства, руководство должника на иных стадиях конкурсного процесса сохраняет свой функционал, хоть и с определенными ограничениями.

Указанная теория имеет право на существование: ст. 129 Закона о банкротстве содержит указание, что с даты утверждения конкурсного управляющего до даты прекращения производства по делу о банкротстве, или заключения мирового соглашения, или отстранения конкурсного управляющего он осуществляет полномочия руководителя должника и иных органов управления должника, а также собственника имущества должника – унитарного предприятия в пределах, в порядке и на условиях, которые установлены [3]. Помимо этого, с момента введения процедуры внешнего управления или открытия конкурсного производства в сведения ЕГРЮЛ вносятся соответствующие изменения в части указания данных о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица.

Также нормативно закреплено, что в случае, если в соответствии с Законом о банкротстве на арбитражного управляющего возлагаются полномочия руководителя должника, на него распространяются все требования, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для руководителя такого должника, и по отношению к нему применяются все меры ответственности, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для руководителя такого должника (ст. 20.2 Закона о банкротстве).

Однако, указанная теория может быть безусловно воспринята только при определенных обстоятельствах – введении внешнего управления или открытия конкурсного производства в отношении должника. Таким образом, подводя итоги исследования вышеобозначенной теории, можно сделать следующий вывод. Приводя вполне разумные доводы, авторы не учитывают всю многогранность деятельности арбитражного управляющего как субъекта правоотношений. Указанная теория вполне способна объяснить правовой статус внешнего и/или конкурсного управляющего, однако не учитывает специфику деятельности арбитражного управляющего в целом, не может применяться при оценке правовой природы деятельности в качестве, к примеру, финансового управляющего, который вообще не сталкивается с руководством юридическим лицом.

4. Публичная теория. В соответствии с указанной теорией, арбитражный управляющий выступает в роли органа, исполняющего публично-правовые функции, каковыми, к примеру, обладает исполнительная ветвь власти (судебный управляющий) [12, с. 89-104]. Вместе с публичной теорией, стоит упомянуть

и диаметрально противоположную по содержанию частную теорию, согласно которой арбитражный управляющий выступает в роли частноправового субъекта, не имеющего никаких публичных функций. [13, с. 72-79]

Опираясь на позицию Конституционного Суда РФ, наиболее логичной из представленных выше теорий, выглядит публичная теория. Действительно, и функции арбитражного управления носят публично-правовой характер, поскольку возложены государственным аппаратом, исходят от судебной власти, и цель по достижению баланса прав и прямо противоположных, но законных интересов участвующих в деле о банкротстве лиц характеризуется публичным смыслом.

Необходимо исследовать правовой статус арбитражного управляющего сквозь призму сущности функций, возложенных на него Законом о банкротстве.

Указывая на публично-правовой характер функций арбитражного управляющего, Конституционный Суд РФ не приводит точный и закрытый перечень данных функций, ограничиваясь лишь примерами: принятие мер по защите имущества должника, анализ финансового состояния и т.д.

Так, анализируя нормы ст. 20.3, 66, 67, 83, 99, 129 и 213.9 Закона о банкротстве, можно сделать следующий вывод относительно сущности функций арбитражного (временного, административного, внешнего, конкурсного, финансового) управляющего:

1. К публично-правовым функциям можно отнести многочисленные запросы: о предоставлении необходимых сведений о должнике; о лицах, входящих в состав органов управления должника; о контролирующих и иных заинтересованных по отношению к должнику лицах; о принадлежащем им имуществе (в том числе имущественных правах); о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органов местного самоуправления без предварительного обращения в арбитражный суд, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну. Также в группу публично-правовых функций можно отнести ведение реестра требований кредиторов и обеспечение передачи денежных средств в счет погашения требований кредиторов; выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства; проведение описи имущества должника по месту жительства/фактического нахождения должника; право/обязанность созывать собрание/комитет кредиторов; подача заявлений в государственные органы о принятии тех или иных мер, например, заявление в отдел службы судебных приставов о снятии ареста с имущества супруга должника, подлежащего реализации в рамках процедуры реализации имущества гражданина.

В указанных функциях, несущих в значительной степени публично-правовой характер, арбитражный управляющий играет роль властвующего субъекта, где его решения носят обязательный характер для субъектов, которых затрагивают указанные правоотношения.

2. К частноправовым функциям можно отнести: право на обращение в суд с ходатайствами и заявлениями; распоряжение имуществом должника, руковод-

ствуясь положениями гражданского законодательства, включая заключение сделок по распоряжению имуществом должника; заключение договоров с третьими лицами для содействия в реализации собственных функций в процедурах несостоятельности (банкротства); обязанность, в случае выявления административных правонарушений и (или) преступлений, сообщать о них в органы, к компетенции которых относятся возбуждение дел об административных правонарушениях рассмотрение сообщений о преступлениях и др.

Обеспечивая выполнение частноправовых функций, арбитражный управляющий выступает в качестве равноправного субъекта, вступая в правоотношения в рамках гражданского оборота с контрагентами или на общих началах гражданского/арбитражного судопроизводства. При этом, как справедливо отмечает А. Ю. Старицын, анализируя функцию управляющего по привлечению третьих лиц для выполнения отдельных задач при банкротстве, необходимо «наличие судебного контроля... в целях обеспечения осуществления управляющим своих полномочий» [14, с. 3].

Относительно публично-правовых функций, выделяемых Конституционным Судом РФ в качестве примера, остается открытым вопрос, почему высший судебный орган относит такие базовые задачи как анализ финансового состояния должника и принятие мер по защите имущества должника к публично-правовым. В противовес можно сказать, что принятие мер по защите имущества осуществляется путем обращения в суд на общих началах искового производства, а проведение анализа финансового состояния должника можно сравнить с проведением аудита, но указанное обстоятельство не наделяет аудитора публично-правовыми функциями.

Такое разнообразие теорий относительно правового статуса арбитражного управляющего вполне логично вызвано многогранностью полномочий, возложенных на управляющего, которые могут разительно отличаться в зависимости от введенной арбитражным судом процедуры несостоятельности (банкротства), а также в зависимости от субъекта банкротства (физическое или юридическое лицо). Помимо этого, отношения несостоятельности (банкротства) затрагивают и регулируются гражданским законодательством.

Учитывая разнообразие функций, возложенных на арбитражного управляющего, законодатель не дает полноценной характеристики правовому статусу управляющего и рассматривает его исключительно сквозь призму участия в саморегулируемой организации арбитражных управляющих, давая следующее понятие в ст. 2 и ст. 20 Закона о банкротстве: «Арбитражный управляющий – гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих».

Нормативно установлено, что арбитражные управляющие являются субъектами профессиональной деятельности и осуществляют регулируемую Законом о банкротстве профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой. Этот факт играет важную роль при определении правового статуса арбитражного управляющего как субъекта налогового права. Таким образом, законодатель приравнял арбитражных управляющих к адвокатам, нотариусам, оценщикам, патентным поверенным, медиаторам, индивидуальным предпринимателям и иным

лицам, занимающихся частной практикой. Согласно п. 5 ст. 227 и п. 1 ст. 229 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), у арбитражного управляющего возникает обязанность предоставлять налоговую декларацию по НДС по месту своего учета не позднее 30 апреля года, следующего за истекшим налоговым периодом [15]. Также, согласно п. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ, арбитражный управляющий является плательщиком страховых взносов, размер которых установлен ст. 430. Указанные факты образуют налогово-правовой статус арбитражного управляющего.

Подводя итоги, можно утверждать, что комплексный субинститут арбитражного управления не представляется возможным относить к типичным видам управления, установленным гражданско-правовым законодательством. Арбитражное управление по своей сущности обладает особым частно-публичным статусом, регулируемым рядом отраслей права различной природы, в т.ч. гражданской, семейной, трудовой, уголовной, административной и др.

Таким же особым частно-публичным статусом обладает и арбитражный управляющий при проведении процедур, применяемых при несостоятельности (банкротстве).

Исходя из вышеизложенного, можно дать следующее определение правовому статусу арбитражного управляющего. Арбитражный управляющий – физическое лицо, осуществляющее частную практику, при этом обладающее и реализующее частно-публичные функции в целях достижения публично-правовой цели в виде обеспечения баланса интересов всех участников процедур несостоятельности (банкротства), а также макроэкономических целей – в виде соразмерного, пропорционального и наиболее полного удовлетворения требований кредиторов и восстановления платежеспособности должника.

Список использованной литературы

1. Борисов А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – Москва : Книжный мир, 2003. – 895 с.
2. Елкина О. С. Роль субъекта и объекта в системе управления / О. С. Елкина // Известия Байкальского государственного университета. – 2006. – № 5 (50). – С. 34–37.
3. О несостоятельности (банкротстве) : Федер. закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Российская газета. – 2002. – № 209-210.
4. По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева : Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 г. № 12-П /// Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 1.
5. Мищенко Д. И. Гражданско-правовые аспекты арбитражного управления : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д. И. Мищенко – Москва, 2006. – 28 с.

6. Климентьев Д. М. Наблюдение как процедура банкротства / Д. М. Климентьев // Global & Regional Research. – 2023. – № 2, том 5. – С. 161–168.
7. Эрлих М. Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения : автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М. Е. Эрлих – Москва, 2012. – 23 с.
8. Суханов Е. А. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учебник для студентов вузов / Е. А. Суханов. – Москва : Волтерс Клувер – М., 2023. – 624 с.
9. Мохов А. А. Арбитражное управление – разновидность доверительного управления? / А. А. Мохов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 8. – С. 15–19.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая : Федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
11. Чуча С. Н. Арбитражный управляющий и руководитель должника как субъекты трудовых отношений / С. Н. Чуча // Российская юстиция. – 2000. – № 12. – С. 14–19.
12. Шафранов А. П. Кто такой арбитражный управляющий? / А. П. Шафранов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 11. – С. 89–104.
13. Зайцев О. Р. Вознаграждение арбитражного управляющего. Новые разъяснения ВАС РФ / О. Р. Зайцев // Арбитражная практика. – 2014. – № 2. – С. 72–79.
14. Старицын А. Ю. К вопросу о гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего за действия (бездействия) третьих лиц в деле о банкротстве / А. Ю. Старицын // Baikal Research Journal. – 2019. – № 1, том 10. – С. 1-9.
15. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федер. закон от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.